

Лёвка

Лёва, гордился своим именем. Он родился в июле и мама не раздумывая назвала его Лев! Тем самым она не догадываясь об этом, до-слёз растрогала свою свекровь Маргариту Аркадьевну Крамер, в девичестве Львовскую. Лёвка рос с этими двумя женщинами-врачами- мамой и бабушкой. Отца своего мальчик никогда не видел. Он погиб, вытаскивая тяжело раненную девушку из расщелины треснувшей земли, во время Ташкентского землетрясения, ровно за три месяца до рождения сына. В том, что Лёва вырастет и станет врачом никто не сомневался, кроме него самого. И хотя его с самого раннего возраста приучали к мысли, что самая гуманная в мире профессия это доктор медицины, Лёва думал совсем иначе. Глядя на него бабушка мрачно качала головой и приговаривала: “Ашем, за что? Это же вылитый Крамер...” Он и внешне был похож на своего деда, революционера-авантюриста, окончательно не принявшего ни одну из сторон и до последнего дня остававшегося своей стороне.

Революцию дед принял с радостью- она даровала ему свободу. Он как-раз отбывал срок за кражу, в Мироновкой тюрьме под Киевом, когда город взяли красноармейцы. Архивы и документы сожгла разбежавшаяся охрана, Крамера амнистировали, как невинно осуждённого царским режимом. Дед натворил много разных дел в мутные революционные годы. Он воевал на стороне большевиков в Туркестане и на стороне белогвардейцев на Дону, грабил поезда беженцев с Атаманом Бойко на Западной Украине, занимался контрабандой оружия из Польши. Потом вроде остепенился, в разгар НЭПа вернулся в Киев, открыл на Подоле артель “Двёрные Английские Замки - установка и починка” и наконец-то уговорил молоденькую красавицу-врачиху, Риточку Львовскую, выйти за себя замуж.

Крамер уже достаточно давно варился в революционном котле и конечно не верил Ленину в том, что “НЭП- это всерьёз и надолго!” Он уговаривал жену уехать в Париж, пока была возможность, та отказывалась оставить пожилых родителей, а потом забеременела... Вопрос с отъездом отпал сам-собой. Когда родился мальчик, Крамер был вне себя от счастья, несколько дней подряд весь Подол пьянствовал за его счёт! Артель была закрыта- воры и налётчики гуляли, количество квартирных краж и хулиганских нападений, упало до рекордных уровней, киевская милиция переживала триумф! Родильный дом на Печерске тоже гудел, все- от нянечки до главврача, получили букет цветов, коробку шоколадных конфет “Швейцарские Альпы” и бутылку “Мускатного”. Мальчика назвали Александр!

В конце лета 34-го за Крамером пришли из НКВД и после короткого трибунала расстреляли, объявив пособником буржуазии и английским (может быть из-за названия артели) шпионом, хотя был он был и оставался обычным вором. Два дня гружённые под завязку телеги, вывозили конфискованное трибуналом, наворованное Крамером добро. Жену с сыном не тронули, в начавшейся кровавой суматохе, работы хватало и без них; а потом как-то забыли, что скорее было исключением, чем правилом- учёт в этой организации велся строгий. А потом была война и Рита ушла на фронт, она служила военврачом на медицинском поезде,

демобилизировалась в конце 45-го и сразу же забрала сына, из Ташкентского детдома.

Они вместе вернулись в полуразрушенный Киев, их квартира была разграблена и разбита, как и почти все другие, но были стены и был потолок- это было чудом и счастьем одновременно. Маргарита сразу устроилась на работу в военный госпиталь, врачи всегда требовались, а её фронтовой опыт был бесценен. Ходячие больные помогли симпатичной врачихе сделать ремонт в квартире- вставили стёкла, побелили стены, наладили сантехнику. Саша стал ходить в школу, после уроков ездил к маме, делал домашние задания в её кабинете за ширмой. С другой стороны ширмы, вела приём его мать- доктор Маргарита Аркадьевна Крамер. Саша по-настоящему гордился ей, а уж любил её так, как только могут любить родителей, дети прошедшие детдом. И он хотел быть как мама... Его любимыми книгами стали медицинские справочники и учебники, к концу школы он уже мог поставить диагноз, не глядя на пациента, буд-то из-за ширмы, на слух... Перед вступительными экзаменами в мединститут, Маргарита взяла отпуск и они с Сашей на две недели уехали в Одессу. Поселились они в Аркадии, у каких-то дальних родственников. Загорелые одесситы тащили на пляж солёные креветки и пиво в трёхлитровых банках, бледные туристы- огромные сумки с фруктами и овощами, Саша и Маргарита- учебники, книги, конспекты. Перед самым отъездом из Одессы, они попали в Оперный Театр. Там как-раз дебютировала Бэла Руденко, исполнявшая партию Джильды в “Риголетто”. После спектакля они ещё долго гуляли по городу Белых Акаций, очарованные удивительно чистым, гибким и выразительным сопрано начинающей певицы.

Тем летом, Саша Крамер поступил в Киевский Мединститут, Маргарита и не сомневалась... В то время одну из кафедр в Киевском Медине возглавлял её фронтовой друг, блестящий кардиохирург Коля Амосов, но обращаться к нему за помощью Маргарита не стала, она вообще никогда, никого, ни о чём не просила, так её когда-то научил Крамер- эту науку, она ценила больше всего на свете. Уже после второго курса стало ясно, что Саша будет прекрасным врачом и отличным диагностом, что скорее всего самое важное в любой врачебной практике. Его занимали все аспекты медицины. Кроме программных занятий он посещал семинары специалистов, ночами работал на скорой помощи, иногда в морге. Маргарита поражалась его выносливости и работоспособности. После института он и думать не хотел о научной работе, хотя его уговаривали и предлагали самые достойные условия.

Маргарита Аркадьевна любила проводить время с внуком, особенно они сблизилась когда её невестка готовилась защищать кандидатскую диссертацию. Та много работала, собирала материал, участвовала в экспериментах, иногда уезжала на неделю, а то и больше на консультации с коллегами и руководителями. По- началу бабушка приезжала за Лёвой каждый день, а потом он и вовсе переехал к ней. Они часто гуляли по набережной Днепра, катались на прогулочном катере, ездили за город собирать лечебные травы.

- Бабушка, папа тоже был похож на деда? - спросил её как-то Лёва.

- Нет, Саша был мой...

Нахлынули воспоминания...

Она будто предчувствуя беду, уговаривала Сашу не ехать в Ташкент, давила на то, что нехорошо оставлять беременную жену. Саша был очень серьезен, он хорошо помнил это Каменный Город, как его называли аксакалы, помнил как детдомовцев поили тёплым кумысом, помнил вкус халвы и фиников, помнил как однажды утром проснулся и увидел перед собой маму. Он был в долгу у этого города. Судя по силе и количеству толчков, предполагаемое число жертв землетрясения варьировалось тысячами. Саша вполуха слушая уговоры матери, наскоро забил сумку вещами, потом чмокнул её в щёку и убежал... Она выглянула в окно, он остановился поднял голову, они встретились глазами в последний раз...

Над руинами некогда самого красивого города Востока, висел липкий зной. Вечером, когда жара чуть спала Саша решил немного пройтись в надежде отыскать детдом или хотя-бы то, что от него осталось. Ориентироваться в развалинах было практически невозможно, тем более стало темнеть, а электричество в город не подавалось. Он ловко вскарабкался на остаток какого-то здания, что-бы осмотреться и сообразить в какой стороне расположен лагерь. В глаза бросилась трещина пересекающая улицу на две части, в ней он увидел застрывшего человека. Прыгая по изуродованным бетонным глыбам, Саша быстро спустился вниз. В жуткой расщелине, острыми краями асфальта по самые плечи, была зажата девушка. Саша приоткрыл ей веко, она была жива. Он смочил её лицо водой из фляги, она медленно открыла глаза и застонала. Тогда Саша влил ей в рот несколько капелек воды. Затем он несколько раз пытался вытащить её из трещины. Во время последней попытки девушка потеряла сознание от боли. Придя в себя она умоляла не оставлять её одну, а вокруг как назло не было ни одной живой души и некого было послать за помощью. Тогда Саша опираясь о края расщелины спустился вниз и уже от-туда, упираясь спиной ей в ноги, вытолкнул женщину наружу. А самому выбраться ему не удалось, неожиданно загудела земля, затем резкий толчок закрыл, и правда тут-же открыл трещину...

И вот Маргарита опять в Ташкенте, она опять везёт сына домой, но теперь уже в запаянном цинковом гробу...

Девушка осталась жива. Она рассказала нашедшим её спасателям, что в трещине остался человек... То, что осталось от доктора Крамера, доставали частями. На вокзале, когда гроб уже загрузили в почтовый вагон, отец спасённой девушки целовал Маргарите руки. Отправка поезда задерживалась, мужчина стоял на перроне и молился: "Аллах Велик, Аллах Велик..." Она задремала на откидном сидении, а когда проснулась, увидела у себя на коленях цветастую сумку, в ней были халва и финики...

- Бабушка, а кто такой Ашем и зачем ты ему всегда на меня жалуешься? - уловив настроение бабки, быстро сменил тему Лёва.

- Ашем- это одно из имён Бо... - начала было рассказывать бабушка, потом резко прервалась на полуслове, - извини, Лёвушка, тебе это пока ни к чему, - она грустно улыбнулась.

- А ты деда сильно любила?

Она не ответила, только положила на плечо внука свою лёгкую, сухую ладонь исчерченную замысловатым узором тонких морщин.

Лёва, как и дед, был широк в плечах, обладал отменным физическим здоровьем и отличной памятью, был быстр умом и резок в суждениях, редко менял свои решения. И Лёву с детства тянуло на подвиги. Ещё в начальных классах он научился играть в карты- причём играл хорошо и достаточно серьёзно относился к игре. Однажды он обыграл в марьяж учителя физкультуры, бывшего чемпиона республики по дзю-до. В счёт выигрыша, дзюдоист взялся учить Лёву приёмам рукопашного боя. Лёву соревнования и турниры не интересовали- учился он для себя и кстати преуспел- он легко отбивался от городской шпаны и те, получая отпор, быстро оставили его в покое. Именно во время одной из таких потасовок, Лёву и подметил Фима Каплан. Он держал тир возле кинотеатра Ленинский. По иронии обстоятельств надпись над помещением гласила: “ТИР. Ф. Каплан”. В общем место это в районе было больше известно под названием: “Тир имени Фанни Каплан”, а Фиму в определённых кругах знали, как блатного в завязке по кличке Шекель. Фима стал присматриваться к парню, однажды позвал и разрешил пострелять, хотя табличка на стене строго предупреждала, что стрелять разрешается только гражданам достигшим 14-летнего возраста. Стрелять было интересно, тем более, что у мальчика хорошо получалось буквально с первого выстрела. Шекель взялся его обучать. Особенно нравилось Лёвке стрелять на-скорость по выскакивавшим по разным сторонам медведям и зайцам. Получалось действительно хорошо. Фима был доволен, он как-то даже слишком быстро проникся к этому парню, увидел в нём себя, молодого и сильного, не ведающего страха начинающего вора. Они подружились- седой уголовник и подросток, которому только исполнилось 14 лет. Лёвка засиживался в тире до-поздна, он помогал Шекелю, ремонтировать, смазывать и чистить винтовки, чинить мишени и двигающие их механизмы. В тире было весело и интересно, к Фиме заходили приятели, они пили пиво, травили байки...

- А что значит Шекель, никогда раньше не слышал этого слова? - как-то раз спросил Лёвка.

- По-фене это значит чемодан, ну а на самом деле израильская монета, типа нашего рубля, что-ли... Кстати знающие люди говорят, что такая-же деревянная!

- Ну а почему тебя так прозвали? - продолжал любопытствовать Лёвка, упустив непонятное замечание.

- Расскажу как-нибудь...

- Расскажи сейчас, будь другом, - не унимался Лёвка, - интересно же...

- Ну слушай, - легко согласился Шекель, - раз интересно... Я тогда работал на вокзале, *щипал* по-мелочи, присматривался к порядкам... И выходит значит из московского поезда пижон такой- штаны в серую полосочку, очки дымчатые, шляпа а-ля Лондон, лепень с кожаным карманами, короче *на-понтах весь*; поставил на платформу чемодан и шарит глазами по-сторонам. Я к нему:

- Вам таксомотор, гражданин человек? - И значит за чемодан.

А он ногу в лакированном штиблете на него поставил, не торопясь закурил “Герцеговину Флор”, щёлкнув серебряной зажигалочкой, посмотрел на котлы и говорит:

- В “Дукат” - и снял ногу с чемодана...

Ну я *шекель* забросил за спину и пошёл вперёд, он за мной, вобщем у камер хранения я его потерял. Трюк у меня такой был, там несколько подземных переходов пересекались, я в один нырнул, в другом вынырнул, чемодан задвинул в дыру специально подготовленную, закрыл фанерой и по лестнице наверх. Смотрю через окно, *фраерок* стоит посреди вокзала и медленно до него доходит, что нет у него больше багажа. Он кстати не смутился совсем, хлопнул себя по карману, ну типа *лопатник* проверил, убедился что при нём и как ни в чём не бывало пошёл на остановку таксомотора. Я тем временем вернулся за чемоданом и притащил его на *хавиру*. Там мы его аккуратно вскрываем и смотрим, а в нём: карты- с десяток колод, большая коробка чая, водка, сало-колбаса, банка травы, консервы разные. А в самом углу, аккуратно завернутый в полотенце ствол воронённый- “Наган” с барабаном *маслят*. Старший наш, Петруха, первый всё понял:

- Это же *грев в кичу*, ты у кого *шекель смыл, босота?*

Ну я ему рассказываю как и что, мол *фраера* московского поднял- штаны в полосочку, шляпа, папиросы “Герцеговина”... С него градом начинает катиться пот.

- А *партачки* были?

- Да вроде паутина на пальцах, я толком не рассмотрел ... - Петруха вытер рукавом влажную шею, - куда ты сказал он ехал?

- В “Дукат”, кажется...

- Ему кажется... Ладно, слушай меня здесь... - Он обречённо выдохнул.

Возле гостиницы “Дукат”, он меня уже поджидал, сидел на лавочке ел мороженное, нога-на-ногу, штиблеты сверкают на солнышке. Он показал глазами на место рядом с собой, я присел на самый край.

- Чемодан доставишь по этому адресу, - он снял с моей головы восьмиклинку, вложил в неё кусочек бумаги и обратно одел её мне на голову!

- Я это... Не в *жилу* вышло... Напутался я значит...

- Да ладно, смена растёт на мою голову, - открыто улыбнулся он, - держи вот, на память, - и добавил, когда я уже встал, - найди меня через неделю...

На моей ладони лежала серебряная зажигалка. На её перламутровом боку была витиевато выгравирована буква К.

- Вали давай, Шекель!

Фима Каплан давно отошёл от блатных- завязал, как-говориться, ни в каких делах не участвовал, тихо жил один в большой квартире, в доме послевоенной постройки с высоким потолком и широким балконом. Иногда Лёвка приходил к нему в гости. Они обедали, соседка Камилла готовила замечательный плов с бараниной и курагой, потом слушали Высоцкого на новенькой, кассетной “Весне”. Шекель курил на балконе, вертя пальцами серебряную, с перламутровым боком зажигалку и думал о превратностях судьбы. Ведь начиналась его блатная биография “под глазом” того самого Крамера, который приходился Лёвке родным дедом. Именно Крамер и был тем самым пижоном, у которого Фима смыл злополучный чемодан. Под видом слесарей из артели “Двёрные Английские Замки”, воры приходили в дома зажиточных горожан, устанавливали или ремонтировали замки, тем временем осматривались, выясняли что и как лежит- всё остальное было делом опыта и времени. Дома “ломали” через чердаки или окна,

двери и замки всегда оставались целы, домушники берегли авторитет артели. В памяти почему-то всплыли слова Крамера: “Важно не то, как войти в дело и проверить его, а как из него выйти и остаться при этом на свободе!” Шекель не стал рассказывать Лёвке, что был хорошо знаком с его легендарным дедом, что “работал” с ним, что знал его красавицу-жену Риточку, Лёвкину бабу, Маргариту Крамер.

Однажды Шекель неделю лежал в больнице, “старые раны”- шутил он. Лёвка навещал его, покупал на рынке апельсины, но сам же их ел, сидя у кровати похудевшего друга. Как-то он застал Шекеля курящим на скамейке в саду, ветер распахнул больничную пижаму, из под майки выглядывала выцветшая татуировка.

- Что это значит? - Спросил Лёва, указывая на церковь с куполами.

- Эта, - Фима указал на маленький купол на сердце, - малолеткой по-дурости залетел... А эта, - он дотронулся до купола, что по-больше, - вспоминать противно, тоже по-дурости... А вот здесь колокол, видишь? - Лёвка кивнул.

- Он когда звонит, душа стонет, будто просится на свободу...

- Мама говорит, что нет такого органа- душа...

- В медицинских книгах нет, а у человека- есть!

- Да... - Лёва улыбнулся, - и бабушка то-же самое сказала... Она маме рассказывала, что если взвесить человека до и после смерти, то после смерти он весит на 52 грамма меньше- это его душа на небо улетает. А вон кстати и мама, помнишь я тебе говорил, что она здесь работает?

Лёва указывал в сторону где, молодая подтянутая женщина в белом халате очень увлечённо разговаривала с мужчиной, тоже в белом халате. Она будто почувствовала, что на неё смотрят, повернула голову и остановила взгляд на Фиме и Лёвке. Потом она немного смутившись подошла к ним и обратилась к сыну:

- А ты здесь, что делаешь?

- Друга навещаю...

Мама повернула голову и посмотрела на Шелкея. Фима встал:

- Каплан... Ефим...

- Доктор Колесникова, - она протянула руку, - Ольга Константиновна. Так это вы друг?

- Я... - он явно смутился и немного неуклюже пожал её холодную твёрдую, как камень ладонь.

Дома был разговор с мамой. Она удивлялась и возмущалась.

- Ну что у тебя может быть общего с этим человеком? Я тебя спрашиваю?

- Не знаю... Мне с ним интересно...

- Чему он может тебя научить? Я между прочим навела справки, у него очень туманное прошлое...

- Мы вместе стреляем... - мама медленно присела, - ну в тире, понимаешь...

- Вокруг полно твоих сверстников, возьми хоть наших соседей. Профессор Глибозцкий и его жена Верочка очень приличные люди, а их сын кстати учится в физико-математической школе. Я думаю...

- Мама, ты это серьёзно? - Остановил её Лёва.

- Перебивать людей- это издержки воспитания... Лев, - когда мама злилась, то всегда называла Лёвку полным именем, - мне придётся поговорить с этим, как его,

Капланом... Хотя постой, я попрошу это сделать твою бабушку... Слушай, а почему ты его зовёшь Шекель?

- Шекель, эта такая деревянная израильская монета, - уверенно произнёс Лёвка...

Вскоре Фиму выписали, врач сказал: “С такой язвой до ста лет живут”, но всё-таки рекомендовал серьёзно отнестись к диете. Первое время Шекель ещё кое-как её соблюдал, а потом махнул рукой, как ни билась с ним Камилла, у неё тоже ничего не вышло...

Маргарита пришла к тиру за пять минут до закрытия. С низкого неба падали крупные капли дождя. Она стояла под зонтом и ждала пока Шекель не останется один. Когда помещение опустело она тихо вошла:

- Здравствуй Фима! Ты помнишь меня? - она улыбнулась.

- Рита... - он резко повернул голову, - Рита...

Она подошла поближе и протянула руку, он её робко пожал. Затем он взял из её рук старомодный зонтик с ручкой-крючком, аккуратно сложил его и прислонил к стене. Вокруг него сразу образовалась небольшая лужица.

- Я рад тебе... Но ты ведь не в первый раз пришла? Я видел тебя раньше возле кинотеатра, ты никак не решалась...

- Не в первый, но в этот раз решилась, меня невестка попросила с тобой поговорить...

- Я догадался... Вам не о чём беспокоиться... - его голос сделался твёрже.

- Фима, ты-же знаешь, чем кончил Крамер? - задала неожиданный вопрос Маргарита и сама же на него ответила, - стенкой...

- ...

- Это его кровь! Я очень, очень тревожусь.

- Рита, пока он здесь, ничего дурного с ним не случится!

Они замолчали. Пауза затягивалась.

- Лёва мне много рассказывал о тебе, - нарушила затянувшуюся паузу Маргарита, - и всё как-то очень сердечно, по-доброму. Я думаю ты заменил ему отца... Может деда, а скорее всего их обоих.

Фима подкурил сигарету и нервно затянулся.

- Рита пойдем поужинаем. Здесь в стекляшке на углу, всё ещё прилично готовят Киевскую Котлету. Смотри, и дождь почти закончился...

- Фима, если бы не ты, не знаю как-бы я тогда справилась... После расстрела Крамера к нам ведь даже родственники боялись заходить... Господи, как давно это было, наверное пятьдесят лет прошло?!

- Сорок восемь...

Десятый класс пролетал незаметно. Лёвка много занимался, но и Шелкеля не забывал. Они вдвоём сделали ремонт в тире, перекрасили стены, сменили треснувшие стёкла в окнах, даже нарисовали новую вывеску. Тем временем, Лёвка стал встречаться с девушкой и параллельного класса, они иногда вместе приходили "пострелять". Шекель деликатно уходил покурить, оставляя их вдвоём... Она была новенькая в школе, её семья переехала в Киев из Риги. “Отца перевели по-работе” - коротко объяснила она Лёвке. Девушку звали Илона, она говорила с очаровательным акцентом, дорого и модно одевалась, много улыбалась наверняка зная, что улыбка ей очень к лицу, а когда взгляд девушки останавливался на Лёвке,

её глаза вспыхивали настоящим пожаром. На весенние каникулы, последние перед выпускными экзаменами, они уехали на неделю на Сигулду, где у родителей Илоны осталась дача. Каждый вечер они приезжали на электричке в Ригу, иногда оставались там на ночь у родственников девушки. Илона перезнакомила Лёвку со всеми своими друзьями. Это были взрослые люди, занимающиеся неизвестным, но приятным на слух словом- “бизнес”. Они были одеты в модные джинсы и замшевые куртки, курили “Кент”, угощали Лёвку и Илону экзотической “Пепси”.

Шекель сразу почувствовал, как резко изменился Лёва после поездки в Латвию. Его неожиданно стали интересовать вещи, на которые он раньше не обращал внимания. Другими словами, его стали интересовать деньги. Лёвка стал реже бывать в тире, а если и заходил, так всего на пару минут- поздороваться, узнать как-что. Он научился водить автомобиль и разъезжал по городу на Волге, принадлежащей отцу Илоны. Когда Фима ему напомнил о приближающихся выпускных экзаменах, Лёвка лениво отмахнулся...

Однажды Фима, проходя мимо кафе, увидел через окно, как Лёвка с несколькими молодыми людьми, выпивали и закусывали. Рядом с Лёвкой сидела Илона, она с безразличным видом курила тонкие сигареты, будто не участвовала в разговоре. Шекель решил дождаться их и присел на лавочку, возле газетного киоска. Вскоре весёлая компания с шумом выкатилась на улицу. Когда они поравнялись со скамейкой, до Шекеля долетело несколько слов: “больница”, “ампулы”, “морфий”. Фима встал и уверенно пошёл на перерез выпившим парням. Он подошёл к Лёвке, который с трудом держался на ногах и остановился прямо напротив него.

- Он уходит со мной, - Шекель обратился ко всем сразу, но смотрел только на Илону.

- Ты откуда здесь вырос, Мухомор? - Придя в себя от неожиданности, ответил за всех коренастый, небольшого роста парень. Все пьяно захохотали...

- Лёва сейчас уходит со мной, - чуть повышая голос, повторил Шекель.

- А если мы возражаем? - Входил в раж тот-же парень.

- Можешь возражать сколько угодно, можешь даже устроить здесь лежачую забастовку, а он уходит со мной...

Коренастый явно растерялся:

- А если хочешь дядя, пойдем с нами, мы на скачки в диско...

- Договорились! Вы идите, а мы, - Шекель кивнул подбородком на Лёвку, - за баяном сгоняем...

Парни застыли в недоумении. Они были не готовы к такому напору, да и кругом было полно людей. Один из тех, что поддерживал Лёвку, тихо сказал что-то другому, тот согласно кивнул:

- Ладно Мухомор, держи свой груз, - Шекель подхватил Лёвку под-мышки, - смотри не исчезай на долго, мы появимся...

Парни развернулись и пошли прочь. Илона задержалась на мгновение, а затем зацокала каблучками по асфальту, догоняя их.

По-дороге Лёвке стало совсем плохо. Таксисты не останавливались, глядя на вид пассажиров, в троллейбус Шекель соваться не решился. Домой они пришли когда на улице стемнело. У самого дома Лёвку вырвало и теперь, Камилла

отпаивала его тёплым, зелёным чаем. Тем временем Фима отстирывал Лёвкины и свои вещи. Когда Лёвка окончательно пришёл в себя, Шекель, без нажима перешёл к делу.

- Лёва, мне очень не хочется вмешиваться не в свои дела...

- Вот и не вмешивайся... - буркнул в ответ Лёвка.

- Ты наделаешь столько глупостей, что жизни не хватит расхлебать! Хочешь, я повторю, что эта шпана тебе предложила?

- Давай...

- Они узнали, что твоя мама, заведующая онкологическим отделением больницы, так? Значит в её распоряжении есть морфий. Скорее всего они хотят, что-бы ты каким-то образом выкрал из больницы ампулы с наркотиком... Я прав?

- Ты подслушивал?

- Нет, я услышал всего несколько слов, об остальном легко догадаться... Ты хоть представляешь себе, что кроме себя подставляешь и мать?

- Они сказали, что-бы я вместо ампул с морфием, подложил в коробку ампулы с кальцием...

- А почему именно с кальцием?

- Слово "морфий" и "кальций" имеют одинаковые окончания. И ещё они написаны одним цветом- синим. Если стереть спиртом начальные буквы в слове "кальций", а оставить только "ий" и смешать несколько настоящих ампул с левыми, то кто тогда обратит внимание...

- Любая, самая простая проверка, найдёт подмену в два счёта. А проверяют эти лекарства достаточно регулярно. Ты думаешь там лохи сидят? - Лёва опустил глаза, - Сколько им нужно ампул?

- Пятьдесят... Они сказали, что *дело фартовое*..

- Знал я одного зэка, по-кличке Лепила, - перебил его Шекель, - он сидел за то, что торговал просроченным гематогеном, по цене редкого, алтайского мумиё. Дело было где-то на Чукотке и туземцы принимавшие эту гадость, к удивлению самого знахаря, излечивались от самых популярных в тех местах болезней- запоров, заворотов кишок и иногда даже от цероза печени... Взяли его, когда он однажды впарил "лекарство", как лучшее средство от нежелательной беременности, жене местного политработника. Жена залетела, Лепила получил три года за мошенничество; *отдал год, потом съехал на химию*. А просроченный гематоген, это не морфий... Здесь срок светится, длинный, как арестантский поезд... - Шекель начинал нервничать, - кто эти парни?

- Это приятели Илонкиного папы...

Через день, как-бы от скуки, в тир вошёл обычный, ничем не приметный человек Фёдор Иванович Охупкин, известный Шекелю, как *темнила* по-кличке Хапа. На лацкане его мятого пиджака, позвякивало несколько блестящих медалей и орден Знак Почёта. Все эти награды Хапа выигрывал в домино у наивных пенсионеров- бывших новаторов, передовиков производства и победителей соцсоревнований. За свою жизнь Хапа орденов и медалей не заслужил, хотя прославился трижды, и за все три раза он полностью расплатился с властью, отсиженными от звонка до звонка сроками. В блатных кругах Хапа пользовался определённым авторитетом, к нему прислушивались воры и положенцы. Он тихо

вошёл в тир, присел на стул у двери и стал обмахиваться потрёпанной газетой. Увидев его, Фима направил на него вентилятор, затем подошёл и поздоровался. Они немного поговорили о пустяках, необычно жаркой весне, общих знакомых, политике. Хапа даже развеселился и рассказал Шекелю свежий московский анекдот:

- Что такое 40 зубов и 4 ноги? - Крокодил.

- А 4 зуба и 40 ног? - Политбюро!

Затем, когда Фима закрыл тир на обед, Хапа заговорил о главном. Разговор был долгим, за это время Хапа выпил двухлитровый сифон ледяной газировки. Он нервно вставал и садился, ходил от стены к стене, на лацкане судорожно позвякивали медали.

- Ты должен понимать, какие здесь *лаве* и люди замешаны.

- Я догадываюсь, но это ничего не меняет...

- Шекель, я знаю тебя всю жизнь, в курсе, что ты в завязке, но если *по-поняткам*...

- Хапа, не надо мне петь... *Общак я грею*, хоть и не в делах, это все знают и за слова свои, я отвечаю!

- И ты готов перебраться на *участок номер три*, за этого щенка? - спросил Фёдор Иванович Охупкин уже на выходе.

- За этого щенка, готов! - на задумывая ответил Шекель и Хапа понял, что сказал он это очень серьёзно.

Когда за “орденоносцем” закрылась дверь, у Шекеля вдруг пошла носом кровь.

В конце недели Лёвка, как всегда пришёл в тир. Обычно перед выходными, когда ожидался большой наплыв посетителей, они с Шекелем смазывали винтовки, проверяли мишени, делали профилактику или мелкий ремонт движущихся целей. В этот раз они работали до вечера, по непонятной причине несколько раз замыкала проводка. Шекель вызвал знакомого электрика и они вдвоём возились у щитка на заднем дворе тира. Лёвка смазал оружейным маслом последнюю мелкашку, закончив он “сломал” её пополам и ловко загнал пулю в патронник. Затем захлопнув винтовку, положил её цевьем на левую ладонь, поставил локоть на стойку и прицелился.

- О, латышский стрелок! - Лёва дернулся от неожиданности и резко повернулся, - не суетись пацан, где Мухомор? Шекель, кажется?

В тир вошли двое парней, один стал слева от двери, второй подошёл к Лёвке. Это был Артур, тот самый коренастый здоровяк, с которым его познакомила Илона. Артур достал Лёвке джинсы и кожаную куртку, потом безумно модные английские ботинки “Доктор Мартенс”, заправлял бензином автомобиль, платил за Лёвку и Илону в ресторанах, денег не брал, говорил потом рассчитаемся. А однажды сказал, что у него сейчас трудности с деньгами и Лёвка ему должен полторы косяка тысячу пятьсот рублей. Именно тогда, Лёва и пообещал достать ему ампулы в счёт долга.

- Его здесь нет! - Лёва сразу понял зачем они пришли.

- Ну так мы подождём... Ты ведь не против? - Парни переглянулись.

Лёва продолжая держать в руках винтовку медленно отступил к стене.

- Ты не бойся, к тебе претензий пока нет... Но будут... - В его голосе послышалась угроза.

- Слушай, а давай постреляем, - неожиданно предложил второй парень.

- Хорошая идея, Йонас! - Артур вдруг оживился, - патроны есть?

В это время слышались шаги, а затем и голос Шекеля, он прощался с электриком. Парни притихли. Шекель вошёл и моментально оценил обстановку. Он посмотрел на парней и потом упёрся взглядом в Лёвку, будто давая понять - не наделай глупостей. Лёвка стоял не в силах шелохнуться.

- Ну что Мухомор, вот и встретились, - Артур криво улыбнулся.

Йонас не дал ему ответить. Он на удивление проворно схватил Фиму за запястье правой руки и заломил её за спину с такой силой, что Шекель упал на колени и завыл от боли. Свободной рукой Йонас схватил его за шею и стал душить. Шекель захрипел. Этот звук и привёл Лёвку в себя. Он будто очнулся, сделал шаг вперёд и коротко, но сильно ударил Артура деревянным прикладом в переносицу. Тот не успев дёрнуться, беззвучно упал. Затем Лёвка вскинул ружьё, мгновенно прицелился в амбала и не раздумывая нажал на курок. Вырвавшийся из горла Шекеля хрип “нет”, прозвучал громче, чем выстрел. Пуля вошла точно в глаз и застряла в задней стенке черепа, силы пробить кость у мелкашки не хватило. На удивление Йонас продолжал душить Шекеля, вероятно кипящий адреналин не дал ему сразу почувствовать боли. Лёвка в четыре шага подскочил к нему, замахнулся, но так и не ударил. Йонас стал медленно оседать и мешком свалился на пол. Из его пустой глазницы, на пол медленно сочилась серая жидкость. Лёвка отвернулся, несколько раз судорожно вздрогнул и его вывернуло на изнанку. Рядом с ним стоя на коленях, жадно хватал ртом воздух Шекель. Вскоре завывли сирены, но к тому времени Шекель уже научил Лёвку что, как и кому говорить. Когда в тир с пистолетами в руках, ворвалось несколько милиционеров, Лёвка и Шекель сидели на полу поджав колени и оперевшись спинами в стену. В глазах мальчика блеснули слёзы, они казались синими в свете милицейских мигалок...

Лёвка с мамой и бабушкой, приехали на свидание с Фимой, в Курганскую Тюрьму. Пылающее июльское солнце, безжалостно плавило редкие островки асфальта. Влажный зной будто сковывал движения, горячий воздух, казалось обжигал лёгкие. Фима вошёл улыбаясь, поцеловал в щеку Маргариту, пожал в этот раз тёплую и мягкую ладонь Ольги Константиновны, прижал к себе Лёвку! Они немного поговорили - о здоровье, о погоде. Маргарита, передала Фиме, связанные Камиллой из верблюжьей шерсти, носки. Все чувствовали себя скованно и неловко, говорили как-то не впопад.

- Мне сказали, что этот город назван в честь могилы. Странно, но я чувствую, что так оно и случится...

- Шекель прекрати! - прервала его Маргарита. Она всё прочитала в его усталых глазах. Такой немного пустоватый, будто отрешённый взгляд, она прекрасно помнила с войны. Это был взгляд людей, которые уже знают, что-то такое, что другим предстоит узнать ближе к смерти. Потом женщины попрощались и вышли в коридор. У самой двери Маргарита медленно оглянулась. На неё смотрел Шекель. Смотрел, как тогда, сорок восемь лет назад...

- Лёвка, что там? - Шекель присел на единственный табурет и закурил, - тихо?

- Да всё в порядке...

- Никто не наезжал?

- Никто... Кстати, Илона с родителями вернулись обратно в Ригу.
- Вот и хорошо.
- Ничего хорошего, - Лёвка наконец-то поднял глаза на Шекеля, - на твоём месте должен быть я!
- Нет, всё получилось правильно, поверь старому зыку! Видимо прав был один мой знакомый- тюрьма это судьба! - Шекель улыбнулся одними глазами, - как экзамены, сдал?
- Нормально... Только я решил никуда не поступать, пойду в армию осенью, а там посмотрим.
- Ну и молодец, правильно решил! И вот ещё что, у тебя ведь день рождения сегодня, - Шекель опять улыбался, - поздравляю!
Он протянул руку Лёвке, тот крепко её пожал! Они ещё раз обнялись!
Когда за Шекелем закрылась тяжёлая дверь, Лёвка посмотрел на свою ладонь. На ней лежала серебряная зажигалка с перламутровыми боками. На одном боку была витиевато выгравирована буква К.

**Igor Sapozhkov / Лёвка ©
May, 2008
Stamford, CT
igrec@myway.com**